

ловек, такие жизненные повороты не приходят автоматически, без борьбы не даются.

Такого рода борьбу и изображает Георгий Мдивани в своей пьесе «Новые времена».

Герой пьесы Василий Степанович Агафонов — коммунист, один из пионеров колхозного движения. Вот уж двадцать лет он возглавляет колхоз. Поначалу это было маленькое хозяйство, потом в колхоз пошли ранее колебавшиеся, хозяйство от года к году становилось все более мощным, совершенствовалась его техника, росли люди. Рос и Василий Агафонов. Преданнейший строитель новой жизни, умелый руководитель, он завоевал безграничное доверие и любовь колхозников.

После укрупнения колхоз превратился в огромное высокomeханизированное хозяйство, раскинувшееся чуть ли не на целый район. О председателе колхоза пишут газеты, его хвалят колхозники. Но сам Василий Агафонов по некоторым пока еще еле видимым признакам и фактам начинает замечать, что ему становится все труднее руководить таким хозяйством. И хотя за годы руководства колхозом он многое узнал, приобрел немалый опыт хозяйствования, — отсутствие образования, которое позволило бы помножить опыт на научное знание, становится все более заметным. Сегодня он еще может руководить. Но завтра, неизвестно для самого себя и сам того не желая, он может стать объективной помехой на пути нового. Это завтра напоминает о себе уже сегодня, ставя перед председателем колхоза все более сложные научно-производственные вопросы. Агафонов всегда и во всем — за новое, но мало хотеть нового, надо уметь это новое внедрять. А вот умения-то ему и нехватает порой. И чем дальше, тем чаще будет председатель попадать в такое положение, когда его мысль пасует перед сложнейшими научными проблемами крупного хозяйства.

Так Агафонов, подталкиваемый опытом жизни и размышлениями о жизни, приходит к мысли о выдвижении на пост председателя колхоза агронома Сухова. Так на примере своего колхоза он постигает мудрость и дальновидность партийных указаний об укреплении колхозных руководящих кадров за счет агрономов.

Ну, а сам он пойдет учиться. Нелегко это на старости лет. Но трудные дела и решения — по плечу Василию Агафонову...

* *

В пьесах, где главенствует интрига, характеры персонажей обычно приспособляются к ситуации, действующие лица берутся только в тех их качествах, которых требуют их сюжетные функции. Качества эти обычно — дежурные, готовые. Появляются и проявляются они с таким облегченным автоматизмом и настолько упрощенно, что по первым же сценам легко угадывается ход всей пьесы, а по перечню действующих лиц — их характеры; действующие лица и ситуации пьесы не таят в себе почти никаких неожиданностей, сложностей, противоречивых положений, какими богата реальная жизнь.

В ранних пьесах Георгия Мдивани стремление драматурга к острой сюжетности, к максимальной действенности сценических ситуаций иногда заслоняло задачу углубленной обрисовки характеров, раскрытия психологии действующих лиц. Новая его пьеса знаменует собой многообещающий поворот писателя к психологической драме характеров. И хотя далеко не все одинаково удалось драматургу в художественном воплощении интересного замысла, — опыт новой его работы глубоко поучителен, в особенности во всем, что касается характера центрального героя пьесы. Поскольку проблема создания крупных сценических характеров приобретает сейчас такую остроту в жизни нашей

драматургии, полезно разобрать этот опыт драматурга, его успехи и поражения в трудном деле создания крупного, четко очерченного характера.

В экспозиции характер Василия Агафонова предстает в очень интересном и сложном психологическом рисунке — крупный, яркий, хотя и не лишенный некоторой внутренней противоречивости.

Василий Агафонов входит в правление колхоза в сопровождении Вани Мухина, лодыря, который жалуется, что его обидела стенгазета. Мухин ловко играет на том, что в газете критикуют не только его, Мухина, но и председателя колхоза — за потворство лодырям. Василий Агафонов поддакивает Мухину, даже подсказывает мысли, которые невысказанными копошатся у того в голове: «Да... обнаглел народ», «Ох, уже эти мне клязники...». Но затем он вызывает редактора стенгазеты Зою и неожиданно для Мухина диктует ей ответ на заметку, осуждая лодыря и полностью признавая свою, председательскую ошибку, о которой пишет газета. Мы понимаем, что Василий Степанович, поддакивая лодырю, просто хитрил, чтобы полнее развенчать Мухина.

Когда Василий разговаривает с Мухиным — с юмором, с розыгрышем, а где нужно строго, даже жестко, — мы видим и человеческое обаяние его, и педагогический такт, и высокую требовательность к людям. Ругая Мухина, Василий верит, что тот выправится, и резкость слов, жесткая прямота правды поможет ему освободиться от лени и разгильдяйства.

Разговор Василия с Зоей поначалу разворачивается на репликах прямого смысла, точно обозначающих позиции действующих лиц. Но вот в нем возникает первая заминка, когда один из собеседников не совсем понимает другого, потом вторая...

«В а с и л и й (указывает на Ваню). А почему ты не спросишь Ивана Мухина, что он здесь делает в рабочее время? Почему он не в поле со своей бригадой? Разве в деревне можно сейчас встретить хоть одного колхозника?

З о я (пожимая плечами). Я ведь не председатель колхоза. Пока председатель вы. Василий Степанович.

В а с и л и й (вдруг искренно и весело засмеялся). Пока? Значит, только пока?».

Слова «пока председатель вы» в устах Зои не более как присказка, один из тех привычных оборотов разговорной речи, которые мы часто употребляем, не придавая им особого значения. Для Василия же в этих словах есть свой подтекст — они затронули какие-то его мысли, пока еще глубоко запрятанные. Так тонким психологическим штрихом, легким намеком автор вводит нас во внутренний мир Агафонова, начинает раскрывать диалектику его души, сложную, часто противоречивую работу его мысли.

Когда Ваня Мухин уходит, в разговоре Зои и Василия опять возникает что-то выходящее за пределы его непосредственной темы, и опять Зоя не понимает до конца подтекста агафоновских слов.

«А может, не надо статьи, Василий Степанович?» — говорит Зоя, уверенная в том, что слова председателя, задевшие Мухина за живое, не пройдут для парня бесследно. И вдруг как-то невпопад, не отвечая на прямой вопрос Зои, Василий замечает: «А вам в газете следует и обо мне подумать; словом поддержать мой авторитет (подмигнул и добавил) пока я председатель... Хотя я разрешаю и меня иногда... покритиковать».

После того как Василий только что с такой открытой готовностью ответил на заметку о Мухине и о своих собственных ошибках, мы понимаем, что тут он просто пошутил. Как шутку воспринимает это продолжение разговора и Зоя:

«З о я (*улыбаясь*). Если понадобится, мы вас и спрашивать не будем, Василий Степанович. За милую душу и пропишем и изобразим».

Но только ли шутит Василий Агафонов? Нет ли и в этой шутке своего второго и более глубокого смысла, своего подтекста? Ведь недаром же драматург пишет в ремарке, что шутку-то свою о газете он говорит «многозначительно и одновременно лукаво». Да и из всего контекста разговора видно, что в шутке председателя колхоза есть что-то очень серьезное, не высказываемое им прямо, но занимающее его мысль.

Конечно, Василий Агафонов не смотрит на газету глазами Мухина и, конечно же, он искренен в признании правоты газеты и в самокритичном осуждении своих недостатков. Но когда он говорит, что стенгазете следует и о нем подумать, поддержать его авторитет, сквозь лукавую шутку просвечивают какие-то переживания, какая-то затаенная горечь, может быть, что-то уже изжитое, пройденное, вытравленное в душе, но нет-нет, да и дающее знать о себе. Короче говоря, самокритика Василия Агафопова это не автоматический процесс, а живая борьба противоречивых чувств и мыслей, сопровождающаяся переживаниями, а порой и колебаниями: «не следует ли попридержать ретивых газетчиков — щиплют и щиплют по пустякам...»

С этим ощущением сопоставляешь и то, как реагирует Василий на слова Зои «пока председатель вы», как хватает он газету, где пишут о нем и руководимом им колхозе, как настороженно разговаривает он с Сергеем Суховым о делах в колхозе «Новые времена»:

«Сергей ...Я ведь о вас много слышал... И вот, вижу перед собой живого Агафопова... на деле вижу.

В а с и л и й (*иронически*). И как? Нравится вам Агафонов? (*вздыхнул*). Эх, Сергей Дмитриевич, много еще у нас недостатков...

Сергей. Да... немало...

В а с и л и й (*вдруг насторожился; он ожидал услышать от Сухова другой ответ*). Что?»

Нет, не все ладно в жизни Василия Степановича Агафопова! Что-то тревожит его, что-то мешает ему быть спокойно-уверенным в делах, таким, каким знают его колхозники.

Но болезненное отношение к критике ни разу не прорывается ни в словах, ни в поступках Агафопова, и ни разу забота о своем авторитете не толкнула его на какой-либо ложный шаг в отношениях с людьми. Агафонов беспощадно и бескомпромиссно подавляет в себе все старое, тянущее его назад, все мешающее ему с открытой душой воспринимать критику, во всем и всегда руководствоваться прежде всего интересами дела. Агафонов выступает здесь как идейный и сильный человек, умеющий быть требовательным к себе в борьбе со всем мелким и мелочным, что мешает ему.

Об этой внутренней борьбе и о победной силе нового, коммунистического в душе Агафопова говорит сам строй его речи. Драматург в ряде мест находит тонкие детали, обнаруживающие развитие характера и нравственного облика своего героя.

«Нет, сынок, — говорит Василий Агафонов Алексею, — хватит тебе баклуши бить. На песке планы не строятся. Вот я... вернее, наш колхоз по плану должен в этом году поднять урожайность на восемнадцать процентов».

Не случайна эта оговорка Агафопова «вот я...» в разговоре о колхозе, но не случайно и то, что он тут же поправляется. Ему хочется сказать «я», у него это как бы получается самой собой, но он говорит «наш колхоз».

Без деклараций и указующих слов драматург показывает способность Агафонова к самокритике, способность не автоматически данную, не готовенькую, а воспитываемую, часто утверждаемую наперекор чувствам и душевным порывам, вызванным влиянием себялюбия и других пережитков прошлого. Раскрытие этой черты уже в начале пьесы становится очень важным моментом в драматургическом развитии характера Агафонова, делает психологически убедительной его победу в том большом вопросе, которому посвящена пьеса.

* *

Первый раз вслух подумал Василий Степанович о трудностях своего положения председателя колхоза, когда зашла речь о заведующей птицефермой — его жене Екатерине, пришедшей в правление сообщить, что снова двадцать кур погибло на ферме.

«Что с курами делать, ума не приложу. Как весна — мор!» — говорит Василий. Выход находит Сухов: нужно перевести ферму в другое, более здоровое место — в Березовку. Тут же, особо не акцентируя свои слова, как бы между прочим, Сухов предлагает использовать колхозное озеро для разведения уток.

Советы Сухова задели Василия за живое: как же он сам до этого не додумался, он, который всегда славился умением хозяйствовать!

«Да... Да... утки — тоже дело... (почесал затылок). Подумаем насчет уток... (Глядя на Екатерину). И о Березовке подумаем...»

И дальше:

«Ничего не поделаешь, Сергей Дмитриевич, привыкли мы работать в маленьком колхозе, а сейчас... когда мы во-как разрослись (показывает руками)... иногда не все.. так сказать... учесть. Руки не доходят... А учитывать надо... все надо...»

Когда Сергей Сухов говорит, что руководить такой птицефермой надо на научной основе, и руководить ею должен специалист, а не домашняя хозяйка, — Василий Агафонов немедленно примеряет эти слова о ферме к колхозу и к себе.

И по тому, как волнуется он, как быстро переходит от кур и уток к разговору о всем колхозе, мы понимаем, что мысль о том, что ему трудно руководить таким колхозом уже не раз тревожила его душу: постоянно думая о делах колхоза, о его будущем, Агафонов не мог не думать и о себе. Василий не из тех, кому нужен резкий щелчок по лбу, чтобы привести в движение мысль. Драматург не создает в пьесе ситуаций, которые с очевидной наглядностью обнаруживали бы отставание Агафонова от жизни, — тогда Василий Агафонов был бы мельче: получалось бы, что он из больших жизненных уроков делает малые выводы. Нет, Агафонов умеет обобщать и из малого факта делать большие выводы! Партия научила его мыслить перспективно. И он, сегодня еще справляясь с задачами, которые ставит перед ним жизнь, думает о том, что будет завтра, сможет ли он завтра так же хорошо оправдать доверие и надежды колхозников, как это он делает сегодня. Для того, чтобы прийти к этим мыслям, ему не нужно пережить несколько крупных провалов, достаточно одного небольшого толчка. Разговор с Суховым о птицеферме и послужил таким толчком.

Однако этот знаменательный для Агафонова разговор далеко не во всем его убеждает. Многое еще нужно передумать, пережить Василию Степановичу, чтобы до конца понять целесообразность и необходимость того решения, которое он позднее примет. Его разговор с Суховым это скорее спор, борьба, чем сдача позиций.

«Сергей. Бывают практики сельского хозяйства, которые заткнут за пояс любого агронома.

Василий. Нехорошо, когда словом «практик» хотят оправдать безграмотность человека.

Сергей (*как бы между прочим*). Да... конечно, это плохо... Но ведь таких безграмотных людей становится все меньше и меньше.

Василий (*протяжно*). Меньше... да. Все меньше и меньше... Однако не все люди, так сказать, с дипломом могут заправлять, к примеру... колхозами.

Сергей. Не каждого агронома выбирают председателем, Василий Степанович. Ищут лучших. Разве любой агроном управится с таким колхозом, как ваш? Чорта с два! (*Смеется*.) Здесь не долго и голову потерять!

Василий (*перебивает его*). А бывает и так, что выбирают первого попавшегося... лишь бы с дипломом.

Сергей. Не спорю. Наверное, бывает.

Василий. Не наверное, а в самом деле бывает... Вот... в соседнем колхозе «Заря» в прошлом году выбрали председателем агронома Кочетова. Человек он как человек... с дипломом, с партийным билетом, словом, все как полагается... А насчет работы (*разводит руками*) — труба... Беда, да и только.

Сергей. Промахи бывают, Василий Степанович.

Василий. А не должно быть! Выбирать председателя колхоза — это тебе не птицу в лет стрелять. Здесь промахов не должно быть, Сергей Дмитриевич!»

Драматург дает Агафонову всю полноту аргументации в защите его позиций. Агафонов не цепляется за случайные и мелочные доводы, а рассуждает, как человек, обдумывающий и решающий большой государственный вопрос. В его аргументах нет узости чисто личного подхода к вопросу, здесь, как и во всем, он исходит из интересов общеколхозного дела. Это усиливает не только остроту разговора с Суховым, но и драматическую напряженность той борьбы, которая происходит в душе Агафонова. Если бы речь шла для него только о том, чтобы поступиться чисто личными интересами во имя общих, — это было бы для него если и не легко, то все же более просто: он без долгих колебаний решил бы этот вопрос. Нет, речь идет в данном случае о другом: он считает, что его работа председателя нужна не только ему, но и колхозу, которому он еще принесет много пользы.

Концентрируя драматическое действие, драматург на протяжении почти всего первого акта сталкивает своего героя с людьми, в разговорах с которыми Василий ощущает если не прямую, то косвенную критику своей работы. Даже встреча с старым другом — колхозным счетоводом Кузьмой не дает ему спокойно отойти от тревожащих душу раздумий.

«Кузьма. Нервничать ты стал, Василий Степанович, выдержку потерял. Ты словно чего-то боишься, а чего и сам не знаешь.

Василий. Боюсь, Кузьма. И тебе, как другу, чистосердечно признаюсь, боюсь.

Кузьма. Чего, Васенька? Чего тебе бояться? Наш колхоз один из первых в области. И в какой? В Московской области!

Василий. Вот этого-то я и боюсь, Кузьма. Дело наше, как море... словно Московское море!.. Гляди, как бы нас волной не смыло. Что такое наш колхоз? Приходит ко мне простой колхозник, советует, как бы поднять урожай пшеницы или надоить побольше молока, и, чорт возьми, все геометрическими прогрессиями доказывает. А что я в этих проклятых прогрессиях понимаю? Ни шиша!»

Разговор Василия с Кузьмой очень тяжел для обоих. И не только потому, что Василий, на опыте жизни понявший, как был прав Сухов, ког-

да говорил о силе специалистов, вынужден намекнуть Кузьме на необходимость его замены бухгалтером. Этот разговор тяжел еще и тем, что речь в нем идет о больших переменах в жизни, которые и самому Василию грозят тем же, что он предлагает Кузьме.

Но собеседники по-разному воспринимают то тяжелое для них лично, о чем идет речь в этом разговоре:

«Кузьма (вздыхнул). Тяжелое время...

Василий. Время хорошее, Кузьма. Время, что надо...»

И в этой небольшой реплике мы снова ощущаем большую душу Василия Агафонова. Он яснее Кузьмы видит жизнь, лучше умеет отделять узколичное от большого, общего и жить этим общим, как очень дорогим личным. И даже горькие раздумья о своей судьбе, даже не отпускающая душу тревога не могут заслонить от него величие времени. Это и порождает сложное и противоречивое движение чувств и мыслей Агафонова, отражающее живые противоречия действительности.

Характерен в этом отношении конец разговора старых друзей:

«Кузьма. Эх, Василий, на свою голову раздул кадило. Гляди, как бы и тебя волна не смыла (уходит).

Василий (оставшись один). Я сдаваться не думаю... Хотя волна такая, что может захлестнуть... (задумался)».

Итак, Василий решил не сдаваться. Но если бы он остановился на этом решении сегодня,—завтра он стал бы похожим на одного из тех отсталых председателей колхоза, каких мы видели немало в других пьесах, какие есть и в жизни. Победа в данном случае обернулась бы поражением: надолго, если не навсегда, потерял бы Василий Агафонов любовь, доверие и уважение колхозников. Но Агафонов не может стать Романюком. В его реплике звучит не только решимость не сдаваться, но и другое, новое, все более властно заявляющее о себе. Пока это еще только сомнение: «Хотя волна такая, что...» Завтра оно станет практическим решением, подсказанным жизнью.

Драматические переживания и раздумья Василия Агафонова возникли прежде всего под влиянием критики и самокритики. Его критикует жизнь, показывая на таких примерах, как история с птицефермой, сколь много теряет колхоз из-за того, что председатель колхоза не способен охватить своей мыслью всех сложных вопросов ведения огромного хозяйства. Его критикует Сухов, если не прямо, то косвенно, говоря о неиспользованных возможностях колхоза, о новых требованиях к руководителям, которые предъявляют расширение хозяйства, рост людей.

И все же тема критики и самокритики не развита в пьесе Г. Мдивани в полную силу, с необходимой жизненной и художественной полнотой. Из пьесы мы знаем, что в колхозе «Новые времена» умеют критиковать и не боятся критиковать. Однако драматург не воссоздал в пьесе атмосферы критики и самокритики, помогающей идейному воспитанию людей, той атмосферы, в которой идейно рос и закалялся Агафонов. В четвертой картине есть, правда, такое признание Агафонова: «Мне люди со стороны говорят: у тебя того нехватает... это недоделано... здесь ты недодумал... там недосмотрел... и правду говорят...» Но это признание остается в какой-то мере декларативным, оно недостаточно подготовлено самим действием пьесы.

Драматург может сказать нам на это, что он не хотел вывести в пьесе очередного «отстающего председателя», из тех, которых мы уже не мало видели в других пьесах, что если бы отсталость Агафонова была для всех очевидна и все его били бы за отсталость, — это была бы другая пьеса, о другом председателе. Все это так. Но и не равняя Агафо-

нса с Романюком, драматург, думается, должен был — в пределах положенного в основу пьесы замысла — полнее показать борьбу, которую, под влиянием жизненных обстоятельств и столкновений с Суховым, с колхозниками, ведет Агафонов со всем тем, что тянет его назад, полнее показать то, как обожгли его критические замечания Сухова, с какими большими трудностями сталкивается он в руководстве колхозом. Ведь не хотел же Г. Мдивани посвятить свою пьесу изображению того, как старое само себя сознает и само себя, так сказать, самотеком, без борьбы, уничтожает!

Обострение этой борьбы обогатило бы конфликт пьесы, ее драматургию и характер центрального героя. Сейчас же наиболее драматичным получилось первое действие пьесы, а начиная примерно с ее середины, напряженность действия заметно ослабевает. Драматург вводит своего героя в пьесу в тот момент, когда Агафонов уже тревожат мысли о дальнейшем руководстве колхозом. События первого акта убыстряют ход этих мыслей, и к концу акта Василий уже близок к своему мужественному и самокритичному решению. Драматург явно спешит. Поэтому и получается, что некоторые сцены второго, третьего и четвертого актов звучат лишь как комментарий к первому акту, мало нового вносят в действие пьесы, ослабляют ее драматизм, упрощают развитие конфликта.

Во втором, третьем и четвертом актах драматург добивается художественного успеха в раскрытии характера Агафонова там, где он находит действенное решение сцен, картин, эпизодов. Драматург терпит поражение там, где ослабляет или тормозит действие пьесы повторами, объяснением уже и без того ясного, комментированием событий.

* *

...Второе действие начинается беседой Сергея Сухова с группой колхозников о делах в колхозе «Новые времена». Речь идет не о том, что колхоз работает плохо,—нет, Сергей воздаст ему должное, считая, что «Новые времена» это «целая народная академия»,— речь идет о новых возможностях колхоза, которые могут быть использованы, если вести дело по-научному, если агрономы будут не служить, как это они делают до сих пор, а работать инициативно, горячо, вкладывая в дело душу. И хотя самого Агафонова здесь хвалят, — в ходе беседы становятся более ясными недостатки его руководства.

В следующей картине действие происходит в доме Агафоновых. Василий уже не говорит, что не думает сдаваться — уроки предыдущих событий, разговоров, его собственные сомнения и раздумья не прошли даром:

«В а с и л и й (Екатерине)... Скоро и обо мне услышишь. Ветер переменится... И перестанут меня хвалить. Такое будут писать... а ж перья полетят!.. Ох, как будут писать!..

С т е п а н. Глупости говоришь. За что тебя ругать?

В а с и л и й. Стало быть, есть за что, отец. Правда, пока это не видно... то есть еще не всем видно, но я-то знаю, за что меня бить надо... Скоро и другие узнают, и тогда... пойдут писать губерния».

Василий не хочет дожидаться этого дня — и не только из-за боязни личного провала: доверие к себе колхозников он рассматривает как доверие к человеку, который много полезного делает для колхоза. Но родные не понимают его. Более того, они осудили бы Василия, если бы он объявил им о своем зреющем решении.

«Я не меньше твоего люблю наш колхоз, — говорит ему Екатерина, — но я другого боюсь... за тебя, за нашу семью, за наше славное имя... Не хочу, чтобы над нами насмеялись. Смотри, Василий, с меня началось, и до тебя дойдет».

«Весь колхоз на нашу семью с любовью смотрит,.. — говорит отец Василия Степан.—Только и слышно: Агафоновы... Агафоновы... *(сердито)*. А если Василий уже не председатель? Что от этих Агафоновых останется? Срам и пустое место...»

Для Екатерины и Степана, так же как и для Василия, личное давно уже накрепко переплелось с колхозным; славу своей семьи они ценят с особой гордостью потому, что это слава строителей колхоза, тружеников. Но есть в их словах и упреках Василию и что-то эгоистичное. Первое, о чем они подумали и заговорили после слов Василия,—это о семье, об имени Агафоновых. Решение Василия они воспринимают, как причуду, заскок, который грозит чем-то нехорошим всей их семье.

«В а с и л и й *(раздраженно)*. А, может, я никуда и не пойду. Останусь бригадиром...

С т е п а н *(рассвирепел)*. Что? Я тебе не позволю срамить мою семью. Тогда лучше убирайся из колхоза!»

Мысли Екатерины и Степана о семье, об агафоновском имени важны не только для обрисовки характеров самих Екатерины и Степана, они освещают какие-то черточки и характера Василия, показывают, как трудно было ему решиться на задуманный им шаг,—ведь хотя он и оспаривает их, это, по сути дела, и его собственные мысли. Но Василий не дает им ходу, подавляет их, чтобы заботой о славе имени не заслонить для себя открытой его взору дороги в будущее. Да и славу имени, ту большую славу, которая не меркнет, он видит не в сохранении председательского поста, а в том, чтобы каждое свое действие подчинять народным интересам, и если в данный момент жизнь предъявляет к председателю требования, которым он, Василий Агафонов, пока не отвечает, — надо найти другого председателя.

Большое место в пьесе занимает сцена ночного разговора Василия с Гордеем (Гордей — брат Василия, дипломат, приехавший в отпуск). С большой и светлой радостью, можно сказать, с поэтическим воодушевлением рассказывает Василий брату о пути колхоза, о нынешних его успехах, приближающих советскую деревню к коммунизму. Но радость его слов перемежается с едва скрываемой горечью.

Это не ускользает от умного и проницательного Гордея, он замечает:

«Я все это знаю, но почему ты, Василий, говоришь об этом так, словно сердишься?»

В а с и л и й *(всередцах, резко, но тихо)*. Чудак ты, человек, Гордей! Как я могу сердиться, когда все это — моя гордость, когда во всем моя кровь, мой пот! Но меня другое гложет. Вот здесь *(показывает на сердце)* засело и не дает покоя...»

И дальше:

«Я себя обокрал. Вокруг все выросли... *(Ударяет себя ладонью по лбу)* богаче стали... А я? *(тихо)* Кто я такой, Гордей? Тот же умный мужичок... и все... *(свистнул)*.

Г о р д е й. Ты, действительно, так думаешь или для красного словца говоришь?

В а с и л и й *(даже обиделся)*. Глупости, Гордей! Я ведь с тобой, с родным братом говорю... в два часа ночи... один на один.

Г о р д е й. А что ты скажешь собранию? Ведь без общего собрания тебя и не переизберут и не освободят.

В а с и л и й. Собранию? Так и скажу: дорогие мои односельчане! Раньше я был хорошим председателем, а теперь для укрупненного колхоза у меня сиденок нехватает... Не управляюсь я... За двадцать лет стольким из вас помогал учиться, а сам... *(развел руками)*. Сам... остался

неучем... Честное партийное слово, так и скажу. Мне от своих таить нечего.

Горд е й. Правильный ты человек, Василий».

Теперь сказано все, и все стало ясным; четвертая картина освещает и первые заминки в разговоре с Зоей в начале пьесы и споры с Суховым, с Кузьмой, с родными — через все это Василий шел вот к этим ясным выводам. Так же, как слова Екатерины и Степана в предыдущей картине освещают то, что тянет Василия назад, и что, в конечном счете, связано с пережитками прошлого в его сознании, — точно так же в разговоре двух братьев — коммунистов ярко раскрываются светлые и прекрасные качества души Василия Агафонова, воспитанные в нем годами борьбы и труда под руководством большевистской партии.

Эмоциональным фоном ночного разговора являются воспоминания Гордея о детстве, о прошлом родной деревни. Контрасты прошлого и настоящего Гордей, приехавший из США, после многих лет разлуки с родными местами, воспринимает острее Василия, для которого все здесь привычно. Но слова Гордея, полные светлой радости и поэзии, передают и музыку души Василия — все это, хотя и невысказанное, живет и в его сердце.

Сама по себе сцена ночного разговора двух братьев и поэтична и очень важна для всей эмоциональной атмосферы пьесы. Но местами она все же оставляет впечатление растянутости. Это и происходит, думается, как раз потому, что в ней много повторов: снова и снова объясняет Василий причины своего решения, снова и снова звучит, становясь назойливой, тема учебы, образования...

Ощущение замедления и даже ослабляющих драматургию пьесы остановок в развитии действия появляется и в сцене заседания правления колхоза и в последней, шестой, картине. Только самый финал этой картины, последние реплики под занавес снова возвращают нас в атмосферу лучших сцен пьесы, где характер Василия Агафонова, его судьба показаны в жизненно убедительном и драматически напряженном действии.

...Сухов избран председателем колхоза. Василий Агафонов — победитель над всем, что мешало ему в его трудной борьбе. Но эта победа нелегка, и драматург не упрощает ее шаблонно-плясовым финалом.

«В а с и л и й (обнял за плечи сидящего рядом Сухова). Слышишь Сергей! Вот они какие... наши «Новые времена»! (и неожиданно грустно затягивает):

Кума шей, кума ладь,
Кума дело не подгадь.

(Никто не подпевает, Василий оборвал песню, осмотрелся по сторонам).
По какому случаю такое молчание?

Занавес».

Сложная это штука, жизнь, — вот подтекст и этой грустной заправки и этого молчания. Сложная, но все идет хорошо, жизнь идет вперед, новое побеждает — вот о чем говорит образ Агафонова, и вся пьеса Г. Мдивани.

Агафонов выгодно отличается от многих героев других пьес Г. Мдивани и в языковом отношении — в его образе ясно ощущается упорная работа драматурга над словом, стремление шире использовать богатства общенародного языка в речевой характеристике действующих лиц.

Язык Василия Агафонова сложный, многослойный, в нем можно различить напластования многих лет — и мужицкого прошлого и настоящего Василия Агафонова. Это язык интеллигента из крестьян. Слова и выражения «чисто мужицкие», если можно так выразиться, часто соседствуют в нем с новыми выражениями и словами, усвоенными из газет, книг, на собраниях, в общении с партийными работниками, агрономами и т. д. И все чаще и чаще они взаимопроникают настолько органично и сплавляются настолько прочно, что разделить их невозможно, речь Василия Агафонова приобретает многоцветность, обогащаясь за счет самых разнообразных ресурсов общенародного языка.

Однако и в языке, как и в развитии действия пьесы, имеются серьезные недостатки. Г. Мдивани, много сделавший для того, чтобы средствами живой речи создать четко очерченный крупный характер, в некоторых сценах и диалогах не дает актеру, который будет играть Агафонова, точных и самобытных слов, неоспоримо связанных с индивидуальностью героя. Местами речь Агафонова становится очень близкой по интонации авторской речи. Иногда герой пьесы впадает в сентиментальность или становится не по характеру экспансивным.

Автор не всегда точен в ремарках, он очень часто прибегает к одним и тем же ремаркам («хитро», «лукаво» и т. д.), пренебрегая оттенками в настроениях и интонациях речи действующих лиц, не передавая этих оттенков.

Имеются в обрисовке характера Агафонова и психологические просчеты. Так, в разговоре с сыном Алексеем о Зое Василий вдруг начинает рассуждать глупо, мелко, говорит слова, никак не вяжущиеся со всем его обликом:

«В а с и л и й. ...Кто же, кроме тебя, может ей приглянуться в нашей деревне?

А л е к с е й. А разве на нашей деревне свет клином сошелся?

В а с и л и й. Брось говорить загадками. Скажи прямо, что случилось?

А л е к с е й (не сразу). Зоя полюбила Сергея Дмитриевича.

В а с и л и й (удивленно). Какого Сергея Дмитриевича?

А л е к с е й. У нас один Сергей Дмитриевич — Сухов, почвовед из Москвы... Ты только что посылал меня к нему за советом.

В а с и л и й. Не поверю. Человек у нас всего десять дней. Таких чудес не бывает.

А л е к с е й. В жизни все бывает, отец.

В а с и л и й (смущенно). А он... этот Сухов... тоже... тово?

А л е к с е й (пожимает плечами). Думаю, да... того... По вечерам они в клубе, всегда вместе. Днем тоже... Что тут объяснять.

В а с и л и й (сердито). Сухов... Зачем он сюда приехал? Помочь мне или разрушить мою семью? Сегодня же попрошу Москву забрать его обратно. Мне нужны работники, а не...как бы это поприличнее выразиться?... Сердцееды».

Конечно, Василий Агафонов не ангел во плоти, он и горяч, и самолюбив, но тот Василий, какого мы узнали из пьесы, едва ли мог, даже обидевшись за сына, дойти до таких мелких, обывательских слов и намеков. Вот когда Василий осторожно и хитро выведывает у Сухова, женат ли тот, любит ли Зою, когда он то и дело перебивает интересующий его разговор словами о колхозных делах, чтобы не обнаружить перед собеседником свою повышенную заинтересованность в семейно-любовных делах Сухова, он не выпадает из образа; драматург убеждает нас, что в минуты, когда так оскорблено отцовское самолюбие Василия, он мог пуститься в такую хитрую игру, сделать то, что не сделал бы в другое время, в более спокойном состоянии.

Очень неясна, психологически не раскрыта фигура сына Василия Агафонова — Алексея, неясны и отношения его с отцом. В пьесе есть указания на то, что Василий не давал хода своему сыну. А с другой стороны, Алексей характеризуется как слабовольный человек, лишенный и малой доли той энергии, которой наделен его отец. Как же будет играть актер Алексея Агафонов? Не удался драматургу образ Орехова, секретаря райкома, который, по замыслу пьесы, должен был сыграть большую роль в судьбе Агафонова.

На обрисовке характера центрального героя пьесы в сильной мере сказывается и художественная слабость образа Сергея Сухова. О Сухове мы узнаем из пьесы много хорошего. О твердости его характера говорит Зоя, о знаниях и уме — Василий. Но драматург не сумел раскрыть его качества в действии, и нам чаще всего остается лишь верить тому, что говорят о Сухове. Сухов как-то теряется рядом с крупным и ярким Агафоновым. Сам Василий Агафонов пришел к твердому убеждению, что Сухов будет хорошим председателем колхоза, лучше чем он, Агафонов. Но драматург не сумел внушить такое же убеждение читателю.

Драматург экспонирует Сухова такой ремаркой: «... Сергей Сухов, высокого роста, лет 28—30, с приветливо улыбающимся, располагающим лицом. В этом человеке есть что-то приподнятое, взволнованное, ему хочется верить. На первый взгляд он кажется наивным, но достаточно внимательно к нему присмотреться, чтобы почувствовать твердый, волевой характер».

Но эта ремарка не может восполнить недостаток собственного драматургического материала — характеристики образа «и словом и делом». Сухов так и остается в пьесе чисто служебным персонажем, не убеждающим своей реальностью.

А не пострадает ли колхоз, когда на место Агафонова придет Сухов? Не ошибся ли Агафонов? Такое сомнение невольно закрадывается в душу, когда слушаешь Сухова, высказывающего верные и умные мысли, но какого-то неяркого, безликого. Сухов — образ «приблизительный»: вот такие примерно бывают агрономы... Ему не хватает обаяния своеобразной и яркой личности. Показанный вне действия, образ Сухова выглядит худосочным, односторонним. А это отражается и на образе Агафонова и на всей пьесе «Новые времена», снижая ее художественную силу.

«Новые времена» это пьеса о бурно развивающейся советской жизни, о людях,двигающих ее развитие.

Непрерывный и все убыстряемый волей партии и народа рост производительных сил социалистического общества, материальных основ коммунизма создает такие условия, когда жизнь предъявляет к руководящим кадрам хозяйства качественно новые, повышенные требования.

Приход нового — это не гладкий процесс, лишенный противоречий. Новое пробивает себе дорогу через борьбу, ломая сопротивление старого и его носителей. Эта борьба не исчерпывается и поражением защитников старого. В ходе ее постоянно возникают новые условия и обстоятельства, требующие перестройки самих борцов за новое.

Расхождение во взглядах Агафонова и Сухова, борьба разных точек зрения, разных стремлений в самом Агафонове — это не что иное, как страдание объективных противоречий жизни в сознании и отношениях героев пьесы. Драма Агафонова — это один из моментов, отражающих развитие действительности, борьбу нового со старым. И хотя образ Агафонова не свободен от серьезных недостатков, он значителен тем, что через этот образ видны очень важные процессы развития жизни.